

Реляция Франсиско Васкеса о мятеже Лопе де Агирре

В предыдущей публикации рассказывалось о том, как в 1560 г. вниз по Амазонке была направлена экспедиция на поиски Эльдорадо во главе с Педро де Урсуа. Мятежники во главе с Лопе де Агирре убили Урсуа, а на его место поставили Фернандо де Гусмана.

Наутро убийцы губернатора собрались на совет со своими сторонниками и начали столь щедрую раздачу постов да чинов, что офицеров стало больше, чем солдат. На совете большинство офицеров, включая убийц губернатора, высказались за то, чтобы продолжить экспедицию, найти и заселить ту землю, на поиски коей отправился Педро де Урсуа, и за добрую службу получить прощение короля. Затем мятежники объявили всему войску, что губернатор относился к порученному делу с возмутительным небрежением и вовсе не желал искать и заселять богатую землю, и много всякой напраслины на него возвели, после чего изъяснили свои планы, получили на них согласие и заставили всех поставить подписи в соглашении, дабы оформить все честь по чести. Первым расписался генерал-капитан, за ним — маэсе де кампо¹, который начертил: «Лопе де Агирре, мятежник» и, показав эти слова всем, произнес: «Вы убили губернатора, который был назначен королем, получил от короля полномочия и представлял его персону, — и после этого вы, глупцы, наивно надеетесь, будто вас простят? Все вы теперь

мятежники, и даже если вы найдете землю богаче Перу, первый же королевский чиновник, посланный туда, вам всем отсечет головы. Поэтому лучше подороже продать жизнь, пока ее не отняли. Нет земли лучше, чем Перу, к тому же у нас там много друзей, которые нам помогут. Завоевать Перу — вот что нам подходит». И офицеры поддержали его.

Дней через пять или шесть после убийства губернатора мятежники покинули то селение. Там нам пришлось бросить еще одну плоскодонку, она прогнила и развалилась, и осталась у нас лишь одна, на коей мы везли лошадей; и в тот же день мы прибыли в другое селение, тоже брошенное жителями; а ночью те, кто хотели вернуться в Перу, разрушили последнюю плоскодонку; и поскольку осталось немало древесины, чтобы сделать корабли для возвращения в Перу, мы задержались в том селении на три месяца и построили две бригадины. Пока строились корабли, мы страшно голодали, там мы ели лошадей и съели всех собак, некоторые ловили и ели стервятников.

В селении, где мы строили корабли, жестокосердный Лопе де Агирре казнил

¹Продолжение. Начало см.: Латинская Америка, 2010, № 5.

Гарсиа де Арсе за то, что он был другом губернатора. Также казнили мулата Педро де Миранду и Педро Эрнандеса, назначенных соответственно главным альгвасилом и главным контадором в награду за их участие в убийстве губернатора; а в вину им поставили злоумышление убить дона Фернандо и кого-то из капитанов, но это был полный вздор, и я так думаю, их первых настигла Божья кара за убийство губернатора, как впоследствии не миновала она ни одного из его палачей. Как скоро их казнили, на их посты были назначены другие. Дон Фернандо назначил своим заместителем капитана личной охраны Хуана Алонсо де Ла Бандеру, а получилось так, что он и Лопе де Агирре оказались на равных командных должностях, и что приказывал один, другой тут же отменял, отчего и начались у них трения, переросшие в страшную вражду; но в то время верх взял Хуан Алонсо де Ла Бандера, и дон Фернандо снял с поста маэсе де кампо Лопе де Агирре и заменил его на Хуана Алонсо, а Лопе де Агирре сделал капитаном кавалерии. Друзья и ставленники дона Фернандо советовали ему убить Агирре, — говорили, он смутяня, человек скверный и злопамятный, к тому же имеет поддержку в войске, а сейчас озлобился оттого, что его сняли с поста, и жаждет мщения; однако дон Фернандо на это не пошел и, видя, сколь уязвлен Лопе де Агирре, постарался его задобрить, сказав, что в Перу он войдет не иначе, как в должности маэсе де кампо, и еще обещал женить своего брата Мартина, пребывавшего в Перу, на дочери Лопе, метиске, которую отец взял с собою. И впрямь, после этого разговора он стал называть дочь Лопе Эльвиру доньей, подарил ей драгоценности и дорогую шелковую одежду, принадлежавшие убитому губернатору, и обращался с ней как с золовкой.

Между тем вражда между Хуаном Алонсо де Ла Бандерой и Лопе де Агирре усиливалась день ото дня, Хуан Алонсо только и думал, как бы его убить, но не мог улучшить момент, ибо Агирре всегда ходил вооруженный и в

окружении своих друзей. Тогда Лопе де Агирре и его сообщники представили дело так, будто Ла Бандера задумал взять власть в свои руки и убить дона Фернандо и убедили в том дон Фернандо, а более всего настаивал на этом Лоренсо де Сальдуэндо, капитан гвардии, который ненавидел Алонсо де Ла Бандеру, поскольку оба домогались любви Инес, подруги убитого губернатора. Поверив навету, дон Фернандо сговорился с Лопе и его сторонниками, после чего, дабы усыпить бдительность Хуана Алонсо и Кристобаля Эрнандеса, пригласил их к себе перекинуться в карты, и когда они таковым образом развлекались, в дом генерал-капитана по заранее разработанному плану ворвались Агирре и его сообщники, вооруженные мечами, пиками и аркебузами, и покончили с обоими. После этого Лопе де Агирре вновь был назначен маэсе де кампо.

Через несколько дней Агирре заставил собрать всех людей перед домом дона Фернандо, и когда все собрались, он произнес такие слова: «Надо придать нашей войне больше основательности и убедительности, и будет хорошо, если вы провозгласите своим принцем дон Фернандо де Гусмана, дабы в Перу мы короновали его; но для этого надобно, чтобы отныне вы не считали себя сыновьями матери-Испании, и отказались быть подданными короля дона Филиппа, и впредь говорили, что мы, мол, его не видели, знать не знаем и не желаем иметь его своим королем и что мы выбрали своим владыкою дон Фернандо де Гусмана; и если вы согласны, давайте все поочередно поцелуем ему руку».

После этого дон Фернандо завел себе королевский двор с придворными, пищу с тех пор вкушал один, и обслуживали его со всяческими церемониями. Он стал очень важным и с королевской щедростью жаловал своим капитанам кому 10 тыс. песо, кому 20 тыс. в счет будущей казны и земельных владений в Перу; а письменные распоряжения начинал таковыми словами: «Дон Фернандо де Гусман, милостию

Приготовление чичи

Божьей принц Перу и губернатор Чили». Его указы зачитывались под звуки труб и бой барабанов, и всякий раз, когда произносилось его имя, секретарь, а за ним все остальные снимали головные уборы, как если бы именовался король Филипп.

За три месяца, что мы простояли в том селении, были построены три бригантины с невысокими бортами, без палуб и палубных надстроек, после чего мятежники отплыли с целью завладеть Перу и установить там свою тиранскую власть. План их был таков: как можно быстрее выйти в море и высадиться на острове Маргарита, где запастись провизией; оттуда направиться к Номбре-де-Дьос, ночью по суше подобраться к городу, захватить порт и перерезать дорогу к Панаме², чтобы никто не смог предупредить тамошних жителей; затем без промедления двинуться в Панаму, там сделать то же самое и захватить все корабли в порту, чтоб никто

не смог послать предупреждение колонистам Перу, переправить всю артиллерию из Номбре-де-Дьос в Панаму и построить еще кораблей, которые смогли бы вместить всех жаждущих завоевать Перу, ибо мятежники полагали, что к ним примкнут люди из Никарагуа и других колоний, а к ним в придачу негры, коим они намеревались дать оружие и свободу. И настолько они были уверены, будто с этими силами захватят Перу, что уж считали — Перу у них в кармане, и начали делить меж собою не токмо энкомьенды, но и жен поселенцев, и каждый выбирал себе какая ему больше по душе. Бывало, подойдет некто к дону Фернандо, своему черному принцу, с таковыми словами: «Ваша Светлость знает, как много трудов положил я на службе Вам, отчего и осмеливаюсь к Вам обратиться. Я живу в таком-то селении Перу, и там же проживает такой-то богач, и я прошу Вас отдать мне его репартимьенто и жену». На что

его светлость без тени стыда на лице отвечал: «Да будет так, отныне считай это тебе принадлежащим». Просто диву даешься, до какой же степени обесстыжили эти лизоблюды и подонки, если выклиничивали такое у своего принца поганок!

Отчалив от порта Бригантин, мы в тот же день прибыли в другое селение, а оттуда армада пошла по левому рукаву реки. Три дня мы шли вдоль нежилых земель, а на четвертый увидели индейскую деревушку, где и высадились: там было мало домов и уйма москитов, плодившихся в окружающих болотах. На поиски пропитания были посланы Алонсо де Монтойа и сколько человек под его началом; а поскольку все равно пришлось его дожидаться и надо было дать роздых оголодавшим людям, то и решили задержаться в том селении на восемь дней, дабы отпраздновать там Пасху, благо началась Святая неделя. Накануне праздника Лопе де Агирре казнил Перо Алонсо Каско, бывшего главным альгвасилом при Педро де Урсуа, казнен же он был вот по какой причине. Обиженный на мятежников за то, что они вовсе позабыли о нем и не дали ему должности, чего он страстно желал, как-то раз в беседе с Вильяторо он раздосадовано дернул себя за бороду и произнес латинское присловье: *audaces fortuna juvat, timidosque repellit*, что означает: «фортуна благоприятствует смелым, а робких отвергает»; кто-то услышал это и донес Лопе де Агирре, а тот тут же приказал удушить гарротой обоих собеседников. Отпраздновав Пасху, мы пустились в путь и на следующий день к вечеру вышли к индейскому селению, какого по величине мы в здешних краях еще не видавали: дома стояли рядом вдоль берега, и посему оно протянулось на две лиги. При нашем появлении туземцы бежали, оставив нам несметные запасы маиса. В том селении мы обнаружили изрядное количество толстенных бревен, из коих туземцы изготовляли себе каноэ. Пользуясь случаем, мятежники решили надстроить борта бригантин и сделать палубы, что необходимо для плавания по морю.

По причине того, что дома располагались единым рядом вдоль берега, наш лагерь растянулся чуть ли не на четверть лиги³: на одном конце располагался черный принц со своими капитанами и придворными; посередине, как раз там, где надстраивались бригантины, — тиран Лопе де Агирре, который следил за выполнением работ и всячески понукал корабельщиков, а на другом конце — все прочие. К тому времени дон Фернандо и многие из его приближенных начали раскаиваться в убийстве губернатора Педро де Урсуа и осознавать, на какой гибельный путь они вступили; в поисках спасительного выхода они собрались на совет, не позвав Лопе де Агирре, а на том совете порешили вернуться к первоначальному плану, то есть найти добрую землю и заселить ее; но так как главным препятствием на этом пути оставались Лопе де Агирре и те, кто вместе с ним хотели завоевать Перу, решено было убить их. Поскольку Лопе де Агирре всегда ходил в сопровождении многочисленных друзей, Монтойа предлагал дожидаться отплытия и во время плавания, когда Лопе де Агирре взойдет на борт бригантины дона Фернандо, чтобы о чем-либо посоветоваться с ним, как то случилось не раз, прикончить его без шума и не рискуя головой; к этому плану склонился принц, избегавший любой опасности, и с тем они разошлись, дав слово держать свой сговор в строжайшей тайне; да только Лопе де Агирре их опередил.

Между тем Лопе де Агирре привлекал к себе людей и старательно увеличивал число своих сторонников, отдавая им оружие тех, в ком сомневался, — так он все больше укреплял власть и преисполнился такого высокомерия, что уже не допускал принца до самостоятельных решений, требуя во всем исполнять свою волю.

Незадолго до отплытия возникли трения между Лопе де Агирре и капитаном гвардии доном Фернандо Лоренсо де Сальдуэндо. Последний склонил к сожительству донью Инес, бывшую любовницу губернатора, и одновремен-

но его подружкой была метиска Мария де Сотомайор; и вот он приказал погрузить на бригантину объемистые тюфяки и сундуки обеих женщин, чему маэсе де кампо решительно воспротивился, сказав, что на судах и без того мало места; тогда Лоренсо де Сальдуэндо в ярости воткнул в землю копьё и рявкнул: «Еще не хватало, чтоб я испрашивал милостей у Лопе де Агирре! Обойдемся без него!». А за день до того донья Инес похоронила свою служанку-метиску и, когда тело забрасывали землей, сказала: «Не скучай, детка, вскоре у тебя будет много сотоварищей». Все это донесли Лопе де Агирре; тот решил немедленно убить Лоренсо де Сальдуэндо и созвал своих друзей. Как скоро дон Фернандо прознал об этом, он велел привести Лоренсо де Сальдуэндо под свою защиту, а сам послал капитана Гонсало Гиралья де Фуэнтеса утихомирить Лопе де Агирре. Капитан столкнулся с маэсе де кампо, когда тот во главе вооруженной толпы направлялся к дому принца, и никакие уговоры на него не действовали. Лопе де Агирре и его друзья вломились в дом принца, где и застали капитана гвардии, — тот упрашивал дону Фернандо созвать людей и защитить его. Не обращая внимания на приказания и мольбы дону Фернандо, ворвавшиеся прямо у него на глазах пронзили копьями и зарубили мечами капитана гвардии, после чего преспокойно убрались. В тот же день Лопе де Агирре отдал приказ своему сержанту Антону Льямосо и одному метису убить донью Инес, что они и сделали, и так искололи ее кинжалами и изрубили мечами, что на ней, бедняжке, живого места не осталось; а все ее имущество они прибрали себе.

После убийства капитана гвардии Лопе де Агирре несколько поостыл и постарался задобрить принца и даже принес извинения за то, что убил Лоренсо де Сальдуэндо у него на глазах. Принцу не оставалось ничего иного, как соорудить довольную мину, но с того дня страх не покидал его, и он ходил с искаженным лицом, меж тем как маэсе де кампо привлекал на свою сторону

все больше людей. Уверяют, будто капитан Гираль де Фуэнтес и его дворецкий Алонсо де Вильена, присутствовавшие на вышеупомянутом совете, где решено было убить Лопе де Агирре, увидели, как усилился маэсе де кампо, и, дабы обезопасить себя, нашептали ему о планах принца и иже с ним, что и заставило его поторопиться.

К тому времени бригантин были построены, и накануне отплытия Лопе де Агирре решил одним ударом покончить с теми, кто злоумышлял против него. И вот ночью он собрал кого только мог и сообщил им, что намерен наказать некоторых капитанов, которые, по его сведениям, собирались поднять мятеж против сиятельного принца. А чтобы черный принц остался в полном неведении относительно его замыслов, он приказал под страхом смертной казни всем, у кого есть каноэ, привезти их под берег у его жилища и притом выставил посты на всех дорогах и тропах, дабы никто ни пешим, ни водным путем не сумел предупредить дону Фернандо о том, что происходит в селении; после чего отправился убивать капитана Алонсо де Монтойа и адмирала Мигеля Боведу. Он начал с них по той причине, что между их домами и жилищем дону Фернандо размещался сам Лопе де Агирре, а поскольку селение, как я сказывал, растянулось вдоль берега чуть ли не на четверть лиги, то принц не слышал их предсмертных вскриков. На рассвете, оставив караулы у кораблей, Лопе де Агирре с прочими сторонниками направился к жилищу принца, который находился в полнейшем неведении относительно происходящего, и всех, кого тиран встречал по пути, он увлекал за собою, говоря им, что намерен наказать мятежников, и призывая во всем повиноваться принцу и всевозможно почитать его. Истинные же свои намерения он поведал лишь двум ближайшим друзьям — старшему сержанту Мартину Пересу и Хуану де Агирре, приказав им убить дону Фернандо. А по пути, не доходя до жилища принца, этот жестокий тиран собственноручно убил священника Алонсо де Энао: он

Нападение конкистадоров на индейскую деревню

застал его в кровати и нанес ему колющий удар мечом такой силы, что меч насквозь пронзил и тело, и кровать и воткнулся в деревянный пол; не задерживаясь ни на минуту, тиран поспешил к дому принца. Тот также возлежал на кровати и, когда слышал шум у двери, привстал в ночной рубахе и, узрев входящих во главе с маэсе де кампо, удивленно спросил: «Боже праведный, что это?». В ответ Лопе де Агирре сообщил ему, что он и его друзья убили капитанов Мигеля Серрано, Гонсало Дуарте и Бальтасара Тоскано, после чего повернулся и вышел, а упомянутые Мартин Перес и Хуан де Агирре разрядили в дон Фернандо аркебузы и изрубили его мечами. Так и закончилось его безумное и злосчастное царствование, и тем воздалось ему за предательство и непомерное тщеславие.

Всего той ночью и утром Лопе де Агирре убил семь человек; свершив эту расправу, он повелел собрать всех людей на площади, предстал под охраною

80 вооруженных до зубов солдат и держал перед нами речь: он призвал всех сохранять спокойствие, сказал, мол, на войне казнь провинившихся — дело обычное, а принц и прочие заслужили смерть, ибо толком не умели командовать людьми и нечего больше говорить об этом; после чего заверил, что отныне и впредь пойдет настоящей войною на Испанию и назначил себя генералом. Засим он произвел новые назначения и издал приказ по армии, воспрещающий под страхом смертной казни кому бы то ни было говорить вполголоса и секретничать, а также притрагиваться к оружию в присутствии генерала.

По истечении двух дней был отдан приказ об отплытии, мы покинули то селение и безостановочно шли вниз по реке восемь дней и семь ночей, пока не вышли к индейскому селению, где простояли 15 дней, оснащая суда мачтами и парусами. Там уже ясно чувствовались морские приливы, хотя ощущались они и выше по реке, более чем за 200

лиг до ее впадения в море. Во время этой стоянки Лопе де Агирре казнил четырех человек. Одного из них, солдата по имени Монтеверде, родом из Фламандии, он обвинил в том, что тот не проявлял должного рвения на военной службе, и однажды утром его нашли убитым и с табличкою на груди, где было начертано: «За подстрекательство к мятежу». В день отплытия тиран казнил Хуана Кабаньяса, одного из тех, кто ранее отказался идти к нему на службу и подписывать соглашение, а также капитана Диего Трухильо и старшего сержанта Хуана Гонсалеса, коим он пожаловал сии звания после убийства принца. Причина казни последних состояла в том, что они были очень дружны меж собою и посему внушили тирану опасение, будто бы сговариваются прикончить его. Накануне отплытия тиран отобрал оружие у всех, кто вызывал у него подозрение; мечи и аркебузы связали веревкою и поместили под замок на корме бригантины, так что доступ к оружию имелся только у личной охраны и у друзей тирана.

Отплыв из селения, мы шли вниз по реке пять или шесть дней, а по пути тиран приказал своему сержанту по имени Антон Льямосо убить коменданта Хуана де Гевару, заподозрив, что тот был в сговоре с казненными ранее Диего Трухильо и Хуаном Гонсалесом. Ничего не подозревавший комендант находился на той же бригантине, где Лопе де Агирре; Льямосо, улучив момент, внезапно нанес ему несколько ударов кинжалом, поднял его и швырнул в воду, а тот вопил во весь голос, умоляя об исповеди, пока не утонул; тиран же взирал на его агонию с нескрываемым удовольствием.

А дальше вниз по течению мы затеялись среди превеликого множества островов и рукавов реки и потеряли всякое представление о том, куда плыть, ибо приливы и отливы создают столь мощные течения в разных направлениях, что становится непонятно, куда течет река, и лишь с Господней помощью мы выбрали верный путь. На

низком острове посреди реки показалось небольшое индейское селение, туземцы вышли с миром, и мы смогли кое-что выменять у них. В том поселении жестокий тиран оставил на произвол судьбы около 100 человек челяди, индейцев, метисов и христиан, вывезенных из Перу, сказав, что они не поместятся на бригантинах, на них не хватит еды и питья, да и опасно пускаться в плавание по морю на перегруженных судах. Это была неслыханная жестокость, и у нас сердце разрывалось, ибо мы понимали, что генерал отдает их под власть карибов-людоедов, и даже если этих несчастных не пожрут, сия суровая болезнетворная земля быстро покончит с ними. Там же тиран казнил двух солдат, одного звали Педро Гутьеррес, а другого Диего Паломо, а повинны они оказались в том, что кто-то из них якобы сказал другому: «Он лишает нас челяди, давай же поступим, как должно поступить»; после чего Лопе де Агирре приказал удушить обоих гарротой. Диего Паломо умолял генерала ради любви к Господу не убивать его, он просил оставить его на острове с челядью из Перу, обещая позаботиться об этих людях и наставить их в христианском вероучении, но извращенный тиран не внял мольбам и казнил его.

От устья сей реки до острова Маргарита мы шли 17 дней и прибыли туда 26 сентября 1561 года. На пути по морю мы испытали превеликие муки голода и жажды, четверо или пятеро солдат умерли, и думаю, продлись наше плавание на четыре-пять дней дольше, половина людей не дотянула бы до острова Маргарита. Не перемерли бы, конечно, только выкормыши тирана, которые имели больше запасов воды и пропитания, нежели прочие, и притом отбирали последнее у других.

Лопе де Агирре со своими треклятыми соумышленниками высадился на остров Маргарита вечером в понедельник, 20 июля 1561 года. Поскольку кормчие не знали, где находится главный порт острова, они привели бригантины в разные селения: та, на коей

плыл Лопе де Агирре, встала на якорь в Парагуа, в четырех лигах от порта, а та, где находился маэсе де кампо Мартин Перес, пристала на две лиги севернее. Едва сойдя на берег, тиран приказал схватить Гонсало Гирала де Фуэнтеса, бывшего капитаном при доне Фернандо, и Диего де Варкарсея, бывшего главного судью, — как я сказывал, они оба участвовали на том совете у принца, где решено было убить Лопе де Агирре; и обоих тиран приговорил к гарроте, не позволив исповедаться, после чего тела бросили в воду. Тем же вечером Лопе де Агирре послал своего друга, солдата из рода Родригес, с индейскими проводниками к маэсе де кампо, чтобы тот передал ему приказ: казнить капитана Санчо Писарро, в преданности коего тиран начал сомневаться, оставить охрану бригаантины и с основными силами немедленно двинуться сушей к генералу; Родригес в точности исполнил приказание Лопе де Агирре, а ведь мог бы, если бы захотел, предупредить колонистов Маргариты, благо до поселения было две лиги ходу, но, храня верность тирану, он совершил гнусное предательство и не сделал этого.

Так вот обстояли дела, когда губернатор острова и его жители, заведя бригаантины и не зная, что за люди на них прибыли, послали пирогу по морю и отряд по суше, дабы выяснить, кто это к ним пожаловал; когда те люди добрались до бригаантины Лопе де Агирре, то увидели, как он высаживает на берег недужных и своих друзей, а остальных людей тиран спрятал на бригаантине под палубой; и когда жители острова стали выпрашивать Лопе де Агирре, кто они и откуда, тот сказал, что они сплавились из Перу по реке Мараньон и попросили ради всего святого дать им поесть; и тогда жители острова забили пару коров и принесли им мяса; и одному из них он преподнес в подарок несколько золотых безделушек и позолоченный кубок и сказал ему и остальным, что будет щедро платить за пропитание. Той же ночью новости о пришельцах разнеслись по поселку, и

жители поселения говорили, что из Перу прибыли богатеи, больные и полумертвые от голода, но готовые расплачиваться золотом, серебром и драгоценными камнями за еду.

Узнав о том, губернатор острова дон Хуан де Вильяндрандо, видимо, движимый алчностью, той же ночью вместе с алькальдом Мануэлем Родригесом и рехидором Андресом де Саламанка направился в Гуачи, где высадился Лопе де Агирре, и наутро во вторник прибыл туда. Тиран вышел ему навстречу в сопровождении капитана Диего Тирадо и своих соумышленников, и не постеснялись они настолько унизиться, что встали пред губернатором на колени и целовали его башмаки, а тот распылся от удовольствия, отпускал Лопе де Агирре изысканные комплименты, просил располагать его персоною и предлагал остановиться в его доме, на что тот рассыпался в благодарностях. Через некоторое время Лопе де Агирре попросил дозволения переговорить со своими солдатами на бригаантине, после чего на берег выскочили солдаты в доспехах и ошестинившиеся пиками и мечами; дон Хуан и его свита в некотором испуге отступили назад, недовольные столь угрожающей вылазкой. В этот момент к ним подошел тиран в сопровождении вооруженных людей и сказал уже без прежней почтительности: «Сеньоры, мы движемся в Перу, где идут жестокие войны, и боимся, вы нас не встретите добром и не пропустите туда. Посему мы вынуждены лишить вас оружия и подвергнуть аресту, дабы вы, не мешкая, снарядили нас в путь». Губернатор опешил и отпрянул, воскликнув: «Что это? Что это?». И тут же ему в грудь уперлись дула аркебуз и остря пик, и не оставалось ему и его свите ничего иного, как сдать оружие и жезлы. Одновременно были захвачены их кони.

Тиран тут же приказал войску ускоренным маршем двигаться к Маргарите, главному поселению острова, и у всех, кто встречался по пути, солдаты отбирали оружие и коней. Тиран выслал всадников вперед; в полдень они ворва-

Мирная встреча

лись в селение, застав жителей в полном неведении относительно происходящего, промчались по улице с криками «Свобода! Свобода! Да здравствует Лопе де Агирре!», через открытые ворота влетели в крепость и моментально овладели ею. Вскоре в город вступили Лопе де Агирре с войском и арестованными. Первым делом тиран со своими приближенными направился к дому, где находилась королевская казна; они разнесли дверь в щепы, забрали все ценности и порвали в клочья книги с королевскими счетами и платежные записи. Затем тиран велел огласить приказ, чтобы все под угрозой смертной казни сдали оружие, какое у кого имеется, и, опять-таки угрожая смертью, повелел всем, кто находился в поместьях, прийти в город и не выходить из него без его соизволения.

В тот же день Лопе де Агирре послал своих людей обойти все дома города Маргарита и изъять все запасы оружия, товаров, провизии. Надобно

знать, что в то время колония Маргариты процветала, люди всего имели в достатке, так что бандитам было чем поживиться, и грабили они жителей безоглядно, оставляя в чем мать родила, прямо сердце рвалось от жалости видеть сей разбой. Засим Лопе де Агирре приказал найти каноэ, какие имелись на острове, и разбить их все до единого, дабы никто не мог сбежать с острова и предупредить колонистов с материка.

В тюрьму были упрятаны губернатор дон Хуан Вильяндрандо и алькальд Мануэль Родригес. Некоторые солдаты из островного гарнизона, охочие до грязных дел, присоединились к Лопе де Агирре и обещали идти вместе с ним войною на Перу; они помогали грабить и разрушать колонию, получали за это плату и ретивостию в услужении не уступали ближайшим друзьям тирана. Проживая здесь и зная все досконально, они доносили, кто из местных жителей и где имел тайники, и ничего невоз-

можно было от них укрыть. Именно они сообщили Лопе де Агирре о том, что напротив острова, у берегов Твердой Земли стоит корабль, хорошо оснащенный артиллерией: на этом судне по воле Его Величества прибыл глава миссии доминиканцев сего края фрай Франсиско Монтесинос, дабы основать селение Маракапана и обратить тамошних туземцев в истинную веру. Предатели сказали, что на борту судна совсем немного людей и овладеть оным не составит труда; услышав это, Лопе де Агирре тут же направил на захват корабля капитана Педро де Мунгиа, дав ему 18 человек и проводником одного негра с острова, хорошо знающего местность.

В один из дней Лопе де Агирре приказал удавить, не позволив исповедаться, капитана амунии Энрикеса де Орельяну за то, что он напился пьяным в день высадки на остров и нагрубил генералу, а эту должность отдал сержанту Антону Льямосо. Тиран со всей возможной тщательностью охранял свою персону, выходил не иначе, как в окружении гвардии, а на ночь на всех дорогах и тропах выставял многочисленные посты, пешие и конные, дабы никто без его ведома не вошел в поселение и не вышел из него.

Вскоре после высадки на острове ночью из войска тирана сбежали пятеро солдат, хранивших верность Его Величеству; и прознав о том, тиран страшно разгневался, топал ногами и угрожал плененному губернатору и жителям селения, считая, будто это они спрятали указанных солдат, и насел на колонистов с требованием отыскать дезертиров, благо знают остров как свои пять пальцев, и обещал дать за каждого пойманного по 200 песо. И колонисты, движимые то ли страхом, то ли алчностью, бросились разыскивать их где только можно, и столько старания они приложили к этому делу, что отыскивали двух беглецов и связанными привели к тирану, который повелел незамедлительно повесить их, не позволив исповедаться. Тем самым колонисты сыграли на руку злодею, ведь многие из тех, кого он вел за собою насильно,

втайне только и мечтали сбежать, а теперь не осмеливались сделать это, ибо увидели, что на жителей острова нельзя положиться. Но сколько ни искали колонисты остальных дезертиров, их им так и не удалось найти — не иначе как сам Господь помогал тем солдатам.

В тот же день, когда были повешены дезертиры, Лопе де Агирре приказал своим подручным убить монаха-доминиканца, увидев его на площади, и лишь заступничество колонистов спасло монаха от расправы. Тиран частенько говаривал, что обещался убивать всех монахов, сколько ему ни встретится на пути; также он клялся убивать всех президентов, ойдоров, епископов, архиепископов, губернаторов, нотариусов и прокураторов, какие попадутся ему в руки, считая, что они и монахи довели Индии до разорения.

Засим тиран повелел сжечь брига-тины, на коих он прибыл на Маргариту, дабы никто не сумел убежать с острова и предупредить о его намерениях. К тому же он был уверен, что корабль фрай Франсиско Монтесиноса уже в его владении, коль скоро капитан Мунгиа был послан захватить его.

На седьмой или восьмой день своего пребывания на острове Лопе де Агирре приказал убить своего ближайшего друга и земляка капитана по имени Хуанес де Итурриага, родом из Басконии, который навлек на себя гнев и подозрительность тирана тем, что, будучи порядочным человеком, вызывал симпатии солдат, имел немало друзей и частенько трапезничал с ними. В час вечерний, когда он ужинал с друзьями, в его дом вошел маэсе де кампо Мартин Перес в сопровождении аркебузирова. Итурриага встал из-за стола, чтобы приветствовать гостей, но в ответ получил град пуль и рухнул замертво. Его друзья мигом поразбежались, и труп провалялся в трапезной всю ночь и день, а наутро следующего дня его захоронили с превеликой помпой, и под сильный бой барабанов за гробом волочили по земле опущенные знамена.

Каждый день Лопе де Агирре с нетерпением ожидал вестей от Педро де

Мунгия, коего послал захватить корабль доминиканца, и когда все сроки истекли, принял это за дурной знак, впал в гнев и начал грозить смертью жителям острова. Он говорил, мол, если выяснится, что капитан и его люди убиты или захвачены в плен, он перебьет даже грудных младенцев, опустошит весь остров и даст зарок уничтожить в отместку тысячу монахов. И тут становится известно, что корабль монаха приближается к острову, но никто не знает, под чьим управлением. Тиран пребывает в величайшем волнении, еще не ведая исхода дела, пока один негр, приплывший на пироге из Маракапаны, не сообщает, что капитан Мунгия и его люди все до единого обратились на службу Его Величеству, и как скоро они поведали главе доминиканской миссии о тиране и его замыслах, тот решил ударить на врага и повергнуть его. Услышав это, Лопе де Агирре пришел в такую лютую ярость, что у него пена пошла изо рта, и, брызгая слюною, он начал осыпать угрозами монаха, дезертиров и колонистов; что же касается последних, то он приказал согнать в крепость под охрану всех женщин, ужесточил режим тюремного содержания губернатора и алькальда и засадил в тюрьму еще нескольких видных граждан. И всех он оскорблял дурными словами и кричал, что вскоре кровь жителей острова ручьями потечет по площади Маргариты.

В субботу в полдень тирану сообщили, что корабль Монтесиноса бросил якорь в порту Пунта-де-Пьедрас, отстоявшем на пять лиг от города Маргарита, и что на судне прибыло много испанских воинов, а вместе с ними — индейские лучники. На это разозленный тиран принялся всяко богохульствовать, осыпая проклятиями Бога и Святых, при этом он бахвалился своею смелостью и своими солдатами и, приуготовляя воинов к сражению, внушал им, дабы поднять их боевой дух, что силы неравны и врагов гораздо меньше. Засим он приказал перевести из тюрьмы в подземелье крепости несколько узни-

ков, коими были губернатор, алькальд Мануэль Родригес, главный альгвасил Косме де Леон, рехидор Касерес и слуга губернатора Хуан Родригес; увидев, как они опечалились, тиран сказал им в утешение, чтобы они избыли из души тревогу и страх, и обещал им под честное слово, что оставит их в живых даже в том случае, если монах притащит на остров больше солдат, нежели растет на нем кактусов и деревьев (а кроме этого там ничего не росло), и ежели все мараньонцы будут перебиты, то и тогда им ничего не грозит; притом тиран божился в своей искренности и призывал поверить его словам. Узники и впрямь воспряли духом. Вечером, дабы избавиться от свидетелей, он распустил жителей по домам, отпустил и женщин, согнанных в крепость, а когда все разошлись, глубокой ночью в камеру заключенных спустился главный альгвасил тирана Франсиско де Каррион в сопровождении солдат и негров с веревками и гарронтами; они приблизились сначала к губернатору и сказали ему приуготовиться к смерти и препоручить душу Богу. Тот воскликнул: «Как же так? Ведь губернатор Лопе де Агирре только что дал слово, что сохранит нам жизнь!». На что альгвасил и солдаты сказали: мол, несмотря на это вам придется умереть; после чего задушили губернатора, а за ним отправились в мир иной алькальд, главный альгвасил, потом слуга и под конец рехидор, однорукий, полупарализованный старик. Тела укрыли рогожами, после чего Лопе де Агирре созвал солдат и велел им с зажженными свечами войти в крепость и спуститься в подземелье; там он сдернул рогожи и, указуя на мертвецов, сказал: «Смотрите, мараньонцы, на дело рук своих. Вспомните злодеяния ваши, свершенные на реке Мараньон, когда вы убили губернатора Педро де Урсуа и его заместителя дона Хуана де Варгаса и многих других. Теперь к этим злодеяниям добавилось убийство губернатора сего острова, алькальдов и судей, глядите, вот они пред вами. И потому отныне пусть каждый поразмыслит хорошенько, как ему уберечь

себя, ибо, свершив столько преступлений, больше нигде в мире, куда бы вы ни спрятались, вы не будете чувствовать себя в безопасности. Лишь вместе со мною вы можете не опасаться наказания». Завершив свою речь, Лопе де Агирре приказал вырыть две ямы в том же подземелье, где удавили узников, и там же их захоронили, после чего злодей направился с восемью десятками аркебузирова к порту Пунта-де-Пьедра, а Мартина Переса оставил в городе стеречь остальных пленных, и в тот вечер маэсе де кампо закатил пышный ужин под пение труб и с прочими увеселениями. Когда Лопе де Агирре со своими солдатами подошел к порту, то обнаружил, что корабль монаха на всех парусах движется к городу Маргарита, и тогда он поспешно поворотил назад и в тот же день, в воскресенье к вечеру вернулся в поселение. Маэсе де кампо и солдаты, оставленные под его началом, устроили генералу пышную встречу, салютуя ему из аркебуз; но капитан Кристоаль Гарсиа, бывший корабельный плотник, видимо, из зависти и злобности донес тирану, что его маэсе де кампо созвал друзей, дабы сговориться с ними убить генерала и податься во Францию, и по этому поводу заговорщики устроили пышный ужин под пение труб и с увеселениями. Тогда жестокий тиран повелел позвать маэсе де кампо к себе и приказал своему другу и охраннику Чавесу застрелить его из аркебузы, как только он покажется в дверном проеме. Когда ничего не подозревавший маэсе де кампо вошел в дом Лопе де Агирре, сзади раздался выстрел из аркебузы, тяжело ранивший его, и тут же на него набросились прочие дружки тирана, нанося удары кинжалами и мечами. Мартин Перес метался по крепости, взывая к генералу и умоляя дать ему исповедаться, пока его не добились, и упомянутый Чавес кинжалом перерезал ему горло. Обезображенное, залитое кровью тело маэсе де кампо валялось на земле, из простреленной и рассеченной мечами головы сочилась мозги, и, глядя на труп, Лопе де Агирре сказал, обратившись к сво-

ему другу, капитану амуниции Антониу Льямосо, который на праздничном ужине сидел за столом вместе с Мартином Пересом: «Про тебя, сынок, тоже говорят, что ты хотел убить своего папочку». Тот клялся и божился, что это неправда, и, чтобы окончательно убедить тирана в своей верности, вдруг на глазах у всех бросился на труп, начал пить кровь и высасывать мозги из головы, повторяя при этом: «Я выпью всю кровь предателя!». После казни маэсе де кампо Лопе де Агирре выпустил из тюрем всех узников, сказал им возвращаться с женами в свои дома и заверил их, что отныне и впредь убийства и жестокости прекратятся, ибо причиною всех зол был казненный маэсе де кампо, что было неправдой.

Во вторник утром к городу подошел корабль Монтесиноса с поднятым королевским штандартом и встал на якорь в полулиге от крепости. Завидев корабль, Лопе де Агирре построил солдат в боевой порядок, взял из крепости шесть фальконетов и вышел на берег, чтобы предотвратить высадку противника. Люди фрейя Монтесиноса действительно подошли к берегу на шлюпках и пирогах, но высадиться так и не осмелились, лишь издали переругивались с солдатами Лопе де Агирре, обзывая их предателями и прочими скверными словами, а те отвечали тем же.

Ближе к вечеру фрей Монтесинос пустился в обратный путь в Маракану, так ничего и не предприняв, кроме как появившись на море, и тем самым он причинил больше вреда, нежели принес пользы, ибо не стал бы тиран убивать губернатора и остальных, если бы корабль доминиканца не приблизился к острову. В тот же день в зарослях кактусов на берегу были найдены два солдата Лопе де Агирре, которые, видимо, хотели сбежать на корабль доминиканца; и как скоро их доставили тирану, тот повелел удавить их, не позволив исповедаться.

Монах же на всех парусах помчался в Санто-Доминго, а по пути прошел вдоль побережья Твердой Земли и предупредил все колонии о появлении жес-

тогокого тирана. Как я сказывал ранее, Лопе де Агирре сжег бригантины, на коих прибыл на остров Маргарита, несколько не сомневаясь, что Педро де Мунгия захватит корабль доминиканца и приведет к нему, и эта уверенность ему вышла боком, ибо он остался без кораблей, а те три суденышка, что он захватил на острове, не могли бы вместить всех людей, провизию и амуницию. И тогда тиран решил закончить строительство корабля, начатое покойным губернатором, и для этой цели послал людей на розыски ранее сбежавших плотников. Их разыскали и впрягли в работу; они трудились день и ночь без праздников и выходных и за 25 дней завершили строительство судна. За это время тиран сжигал и разрушал дома и посеы колонистов, скрывшихся в глубине острова, забирал их имущество и вырезал их скот. Также тиран убил двоюродного брата Педро де Урсуа по имени Мартин Диас де Альмендарис, коего после гибели губернатора держал на положении пленного и заставлял ему носить оружие. Мартин Диас попросил Лопе де Агирре разрешить ему остаться на острове и, получив на то согласие, отбыл в какое-то поместье. Тиран же вслед ему послал солдат с приказом прикончить его, и те удушили его гарротой; а солдатам злодей объяснил, что убил Мартина Диаса, дабы не оставлять в тылу врага.

В августовский день Успения Богоматери Лопе де Агирре выстроил своих солдат и как генерал-капитан во главе колонны направился в главную городскую церковь, чтобы освятить войсковые знамена. На пути попала ему валявшаяся на земле игральная карта с изображением короля, и при виде нее он впал в неистовство: затоптал ее ногами, затем порвал в клочки и при этом на чем свет стоит клял господина нашего короля дона Филиппа, как то бывало не раз; мало того, он изрыгал проклятия на Господа, Повелителя сущего, и ему вторили его дружки. Освятив знамена, Лопе де Агирре произнес и вовсе ужасающие слова, невыносимые для слуха истинного христианина: он заявил, что

для его сообщников и друзей нет иного короля, кроме него самого, и он создаст для них новый закон.

Строительство корабля близилось к завершению, когда генерал-лейтенант Алонсо де Вильена сказал некоторым солдатам, что хочет убить тирана и поднять королевский штандарт; кто-то тут же донес об этом Лопе де Агирре, и тот послал к нему палачей, но Вильена вовремя унес ноги и скрылся в глубине острова. Разгневанный изменой генерал-лейтенанта, Лопе де Агирре стал искать соучастников заговора, и из чистой подозрительности, не имея никаких доказательств виновности, убил друга Вильены, лейтенанта личной охраны из рода Домингесов, повесил солдата Лоайсу и казнил жительницу острова Анну де Рохас, которую часто навещал Вильена и в чьем доме, по убеждению тирана, собирались заговорщики; несчастную повесили на площади, после чего расстреляли из аркебуз. Сразу же вслед за тем он послал палачей к мужу Анны де Рохас по имени Диего Гомес, больному старику, который лечился в своем поместье в лиге от города. Заодно с ним палачи удавили гарротой одного доминиканского монаха, оказавшегося на беду свою в гостях у Гомеса; поместье же было разграблено. Прознав о казни монаха, Лопе де Агирре весьма воодушевился и повелел своим дьявольским подручным убить еще одного монаха, тоже доминиканца, коему тиран исповедовался. Видимо, доминиканец принял мученическую смерть за жестокие попреки, высказанные тирану во время исповеди. Засим Лопе де Агирре приказал повесить пожилого колониста из семьи Соморростро, имени не упомяну, за то, что он поначалу собирался присоединиться к мараньонцам, а потом передумал и попросил тирана оставить его на острове, получил согласие и остался — только в подвешенном состоянии. Накануне отплытия Лопе де Агирре приказал повесить островитянку из семьи Чавес, также не упомяну имени, за то, что живший у нее дома солдат дезертировал, а она это знала, но никому не сказала.

Когда корабль был подготовлен к отплытию, Лопе де Агирре загнал всех солдат в крепость, дабы не дать своим людям дезертировать; а затем приказал сделать пролом в стене, обращенной к морю, через этот пролом вывел всех своих людей, тщательно надзирая за каждым, и погрузил на корабли. Когда все уже вошли на борт, а на берегу оставался только Лопе де Агирре в окружении ближайших друзей, к нему подскочил его старый друг, адмирал по имени Алонсо Родригес, и попросил отдалить корабли от берега, чтобы их не захлестывало волнами; и тогда без всякой на то причины тиран выхватил меч и нанес такой удар, что чуть не отрубил ему руку; затем он повелел солдатам перевязать рану, те бросились было к адмиралу, но Лопе де Агирре тут же передумал и приказал удавить его без позволения исповедаться, что и было исполнено. Затем тиран пришел домой к священнику, прозываемому Контрерас, и всяческими посулами стал заманивать его отправиться вместе с

ним, обещая ему деньги и епископство в Перу; но поскольку священник упорно отказывался, он силком погрузил его на корабль и увез с собою.

На острове Маргарита Лопе де Агирре пробыл сорок дней с небольшим и оставил после себя эту землю истерзанной и объятай ужасом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маэсе де кампо — высший офицер, отвечающий за боеспособность войска.

² Номбре-де-Дьос — порт на атлантическом берегу Панамского перешейка (основан в 1510 г.), и соединенный дорогой с тихоокеанским портом Панама. Драгоценные металлы из Перу и Боливии транспортировались морем до Панама, оттуда перевозились через перешеек в Номбре-де-Дьос, где грузились на корабли и отправлялись в Испанию. Порты находились под прицелом пиратов, поэтому испанцы держали здесь мощную артиллерию.

³ Лига сухопутная — около 5,5 км.